

Изящная
классика
Востока

Токутоми
Рока

Куросиво

Санкт-Петербург

УДК 821.521
ББК 84(5Япо)-44
Т 51

蘆花 徳富
黒潮

Перевод с японского Ирины Львовой
Серийное оформление и оформление обложки
Вадима Пожидаева-мл.

ISBN 978-5-389-27876-9

© И. Львова (наследник), перевод, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2025
Издательство Азбука®

ГЛАВА I

1

В начале апреля тысяча восемьсот восемьдесят седьмого года в Токио, в фешенебельном клубе «Ююкан» на улице Утиямасита в районе Кодзимати состоялся концерт, устроенный по инициативе дам высшего света.

Его императорское величество выразил пожелание провести сбор пожертвований на строительство военного флота. Уже поступил сопровождаемый благосклонным посланием августейший взнос — триста тысяч иен, дарованные из личных средств государя; премьер-министр обратился с воззванием ко всем чиновным лицам страны, призывая имущих людей Японии внести свою лепту в это благородное начинание, взносы посыпались один за другим, ибо каждый сознавал, что час служения отечеству пробил. В эти дни все, кто принадлежал к высшим слоям общества, даже дамы, стремились по мере своих сил и возможностей проявить искреннее желание поддержать отечество. Так возникла идея сегодняшнего концерта.

Достаточно было взглянуть на пригласительный билет-программу, где в конце, под почтительно набранным крупным шрифтом сообщением о том, что на вечере изволят присутствовать их высочества принцессы такие-то, значились имена княгини, маркизы, графини, виконтессы такой-то; достаточно было пробежать глазами хронику светской жизни любой из официальных

газет тех дней, где в растроганных выражениях говорилось о «глубоком волнении, которое не может не вызвать прекрасная инициатива представительниц высшего света, столь действенно откликнувшихся на высочайшее пожелание»; достаточно было увидеть все это, чтобы сразу понять, что сегодняшний вечер — не обычный концерт, устраиваемый с благотворительной целью.

Концерт начинался в шесть часов вечера. После пяти в ворота клуба непрерывной вереницей, один за другим въезжали экипажи и рикши, из них появлялись европейские вечерние туалеты, кимоно с вышитыми гербами и белыми воротниками, цилиндры. Гостей встречали и провожали в зал, сбиваясь с ног от усердия, распорядители во фраках с атласными цветками вишни на лацканах.

После семи часов в зал торопливо проследовали последние опоздавшие. Военно-морской духовой оркестр уже замолк, и шла, по-видимому, наиболее интересная часть программы, потому что сквозь бесчисленные окна, залитые ярким светом, время от времени долетали звуки аплодисментов и взрывы смеха.

В саду, в зарослях пышно цветущих вишневых деревьев, алыми звездочками светились шары праздничных фонариков; газовые светильники разливали слабое лиловатое сияние, похожее на дневной свет, и всякий раз, когда, вздрагивая, вспыхивали язычки пламени, из сумрака туманными облаками выступали осыпанные цветами вишневые деревья, — казалось, сама весна колеблет их ветви своим дыханием.

А у ярко освещенных ворот, снаружи и в саду стояли несколько полицейских.

У западного подъезда выстроилась в ряд добрая сотня экипажей, раздавалось ржание лошадей, слышался стук копыт, роющих землю. Бесчисленное число коля-

сок рикш исполинской тысяченожкой тянулось от ворот вдоль ограды. В небе висел тусклый, слегка ущербный диск луны.

— Вот сволочи! — внезапно проговорил чей-то голос в толпе собравшихся у главных ворот любопытных, когда из зала донесся новый раскат смеха. — С чего это они так развеселились!

— Эй! Прочь с дороги!

Толпа поспешно расступилась, и в ворота с грохотом промчалась черная лакированная коляска, запряженная парой вороных трехлеток.

2

В клубе только что закончилось выступление Энтё, исполнившего «Таскэ Сиобара», и на сцене, встреченные громом аплодисментов, появились Косидзи и Хироскэ.

Покрытая пурпурным ковром эстрада была сооружена в танцевальном зале. В глубине ее ослепительно сверкали серебряные складные ширмы. Большие газовые люстры под потолком заливали зал ярким полуденным светом, но, словно этого было еще недостаточно, по бокам эстрады стояли два серебряных канделябра, так что зрители могли различить каждую морщинку и каждый волосок на лицах артистов.

Места направо от эстрады занимали его императорское высочество принц такой-то, великий князь такой-то, министры, послы иностранных держав, князья, графы, бароны; весьма обильно был представлен военный флот и несколько скромнее — сухопутный генералитет; здесь же сидели высшие сановники и крупнейшие представители делового мира. По левую руку расположились принцессы крови, за ними — ослепительный

калейдоскоп розовых, сиреневых, золотисто-зеленых европейских туалетов, среди которых то там, то здесь виднелись изысканные кимоно с длинными рукавами, с вышитыми гербами и белыми воротниками. В этом гигантском, беспорядочно спутанном букете, точно роса на солнце, вспыхивали драгоценные камни, мелькали веера из слоновой кости, надушенные шелковые носовые платки, и по залу проплывали волны тончайшего аромата; право, одного этого благоухания было достаточно, чтобы свести с ума человека, равнодушного к прекрасному полу.

Раздались чистые звуки медиатора Хироскэ, шум мгновенно стих, воцарилась глубокая тишина, и в огромном зале звонче песни соловья, поющего в укромной долине, полился чудесный голос Косидзи:

— О кто же он, кто посетил приют уединенный в безлюдье гор, пустынных гор далекой Ямасина...

В эту минуту дверь на восточной стороне зала запахнулась и в сопровождении украшенного цветком вишни распорядителя вошли двое мужчин. Кто-то из сидевших неподалеку от двери случайно оглянулся, и сразу же, словно по сигналу, взоры всего зала обратились на них.

Впереди шел человек во фраке, лет сорока пяти, коренастый и низкорослый, довольно полный, с желтоватым лицом и тонкими губами. Что-то неуловимо плебейское было в его облике. Чувствуя на себе всеобщее внимание, он с покровительственной улыбкой неторопливо стянул с рук белые перчатки, поклонился милостиво кивнувшим ему императорским высочествам, обменялся короткими рукопожатиями с привставшими на встречу иностранными послами, отвесил общий поклон принцессам, благосклонно взиравшим на него с другой стороны зала, кивнул налево, направо и, неторопливо

опустившись в кресло в первом ряду, к которому подвел его почтительно изогнувшийся в поклоне распорядитель, пригладил жиденькие усы. Это был граф Фудзисава, премьер-министр, вершитель судеб Японии своего времени.

На второго гостя, который остался стоять у дверей в ожидании сопровождавшего графа распорядителя, все собрание глядело с беспокойным любопытством, забыв на время и о пении Косидзи, и о мелодии сямисэна. Это был старик лет шестидесяти пяти, когда-то, вероятно, сильный и крепкий, а теперь изможденный, но все еще прямой и высокий. Добрая половина его головы была скрыта под проходившей через левый глаз повязкой, из-под которой виднелись только редкие седые волосы, короткие усы над слегка торчащими вперед зубами да налитый кровью правый глаз, мечущий молнии, словно он один вобрал в себя всю силу взгляда старика. На старике было светло-желтое хаори с пятью ромбовидными гербами дома Такэда и коричневые, в полоску, хакама, заложенные в глубокие складки. Щурясь от яркого света газовых ламп, он стоял неподвижно, нахмурившись, скрестив руки на груди.

— Кто это?

— Кто этот человек? — чья-то рука в белоснежном манжете, державшая программу, задержала распорядителя с цветком вишни, который, проводив старика к свободному креслу, на цыпочках возвращался к выходу.

— Кто же это? — тихо повторили вопрос белоснежные манжеты.

— Не знаю.

— Но ты же только что встречал его.

— Приехал вместе с самим... — распорядитель поднял большой палец. — Но кто он такой — понятия не имею.

Между тем старик, не обращая никакого внимания на вызванное им любопытство, недоумение и перешептывание, спокойно опустился на сиденье. Распорядитель вручил ему программу, но он не взглянул на нее и не слушал артистов, а, по-прежнему скрестив на груди руки, свободным от повязки правым глазом с интересом разглядывал свисавшие с потолка газовые люстры, рассматривал пышное убранство зала, сурово изучал разраженную публику. Наконец ироническая усмешка искривила его губы.

Внимание собравшихся, на время отвлеченное пришествием запоздавших гостей, вновь обратилось к эстраде; в безмолвном, словно пустыня, зале такт за тактом звучала и ширилась мелодия, и постепенно красота плавно льющегося голоса Косидзи, в сочетании с прекрасным текстом и дивными звуками, заставила слушателей позабыть обо всем. Из апреля тысяча восемьсот восемьдесят седьмого года они перенеслись в эпоху Гэнроку, из клуба «Ююкан» — в одинокую обитель в горах Яма-сина, туда, где страдала прекрасная девушка, потерявшая рассудок от любви, где замирала и вновь звучала флейта странствующего музыканта, где готовилась принять смерть верная долгу жена самурая... Казалось, все это происходит здесь, в этом зале, и сердца слушателей сжимались в грустном томлении.

Впереди, перед самым носом старика, покачивалась в такт музыке глянцевиная голова, разделенная безукоризненным пробором на черные половинки; на местах, которые занимали дамы, неудержимо лились слезы и к глазам прикладывались дорогие заграничные платочки, обшитые кружевами. Старик зажмурился от досады. Между тем артист, которого подобные мелочи нимало не задевали, продолжал пение, и вот уже зазвучали последние строфы:

— Вечный покой... Вечный покой... Разбилось сердце, исполненное тревог и волнений, — оно живет теперь только в напеве флейты... — Взметнулась заключительная фраза мелодии, и сейчас же загремели аплодисменты.

Открыв глаза, старик увидел, как оба артиста распластались в поклоне.

Первое отделение программы на этом закончилось. Публика, наполнявшая зал, перевела дыхание, заколыхались веера, затрепетали платки, и среди сдержанного гула, похожего на шелест ливня, перед эстрадой появилась особа лет тридцати, в коричневом европейском платье, украшенном на груди цветком вишни, с густо напудренным, чрезвычайно крупным толстощеким лицом.

— Это кто же такая? — спросил седой господин, похожий на провинциального чиновника, оглядываясь на соседа — человека с красивыми усами.

— Эта женщина? Это Киёко Китадзима.

— Вот эта? Но она же вовсе не хороша! — Имя Китадзима пользовалось широкой известностью, и седой господин решил, видимо, что она непременно должна быть красавицей.

— Ну, смотря на чей вкус... — Красивые усы усмехнулись.

Заявив, что «берет на себя смелость сказать несколько слов от лица дам», Китадзима в качестве одной из устроительниц сегодняшнего концерта прежде всего выразила благодарность всем присутствующим за то, что они соблаговолили откликнуться на приглашение, затем сообщила, что, ввиду неожиданного прибытия их превосходительств иностранных послов и членов посольств, программу решено несколько изменить — после перерыва будут показаны танцы балетной школы

под руководством танцовщицы Ханаяги, а также выступит гастрوليрующий в Японии знаменитый венгерский скрипач Комароцци.

Далее она объявила, что успех при распродаже билетов превзошел все ожидания, но устроительницы концерта хотят еще раз воспользоваться любезностью дам и господ и провести сейчас дополнительный сбор, а потому всех просят еще некоторое время оставаться на местах. Выговорив все это без малейшей запинки, она удалилась.

Внезапно рядом с креслами дам грянула веселая, бодрая музыка военно-морского оркестра. В тот же момент двери напротив эстрады распахнулись и в зал, точно стайка бабочек, пляшущих в весеннем ветерке над пестрым ковром цветов, впорхнули два десятка молоденьких девиц со шляпами в руках.

Прекрасная весенняя ночь, жаркая пьянящая атмосфера нарядного зала, веселая, бравурная музыка, очаровательные, как цветки, девушки, от платьев которых веяло ароматом духов «Белая роза»... Многие из них привыкли к балам и держались вполне непринужденно: в ручках, украшенных драгоценными камнями, они держали шляпы и, протягивая их гостям, лепетали бойкой скороговоркой:

— Прошу вас, еще немножко... Жертвуйте еще, господа...

На мужчин это действовало безотказно. Первым бросил деньги граф Фудзисава. За ним потянулись иностранные послы, не успевшие даже сообразить, что может настать день, когда их взносы превратятся в залпы по кораблям их же держав; бросали деньги и прижимистые крупные дельцы, не успевшие даже посетовать на то, что после пожертвований и покупки билета на концерт у них умудряются вымогать еще и еще... Мелькали

кредитные билеты, со звоном падали золотые и серебряные монеты, а в ответ слышалось:

— Жертвуйте, жертвуйте, господа... Можно и эти часы, пожалуйста...

— Благодарю вас...

— Приходите же к нам в гости...

Тем временем старик с досадой наблюдал за оживлением, поднявшимся в зале, и вдруг почувствовал, что кто-то остановился возле него. Оглянувшись, он увидел хорошенькую девочку лет двенадцати-тринадцати, протягивавшую ему шляпу.

Она стояла без улыбки, без тени смущения на серьезном строгом личике, — не девочка, а настоящая маленькая леди в старинном кимоно лилового цвета, незаметно переходившего в более светлый тон у подола, с длинными рукавами, украшенными узором, который изображал лепестки цветов и струи воды; высоко на груди был аккуратно и чинно повязан широкий вышитый парчовый пояс, уложенный сзади сложным бантом. Сквозь черную как смоль челку просвечивал белоснежный лоб, детская прическа «тигова» скреплена большой серебряной шпилькой в виде летящего журавля. Личико у нее было немного продолговатое, с прямым носом, белое, почти прозрачное и лишь слегка нарумяненное, маленькие подкрашенные губки сжаты в прямую линию, а черные ясные глаза под густыми, почти мужскими бровями без малейшей робости в упор смотрели на старика.

Так они глядели друг на друга: маленькая леди — на старика, а старик — на маленькую леди, затем рука старика опустилась в карман, извлекла оттуда старенький суконный бумажник, и несколько медных монет со стуком упали в шляпу. Накрашенные губки чуть приоткрылись, показав прелестные, белые как молоко зубы, и маленькая леди, поклонившись, отошла прочь.

— Девочка, девочка! — торопливо окликнул ее сидевший рядом со стариком господин в хаори и в хакама. Маленькая леди остановилась и оглянулась через плечо. — Позвольте и мне пожертвовать!

Хаори и хакама размахивали билетом в пять иен. Смерив его пренебрежительным взглядом, маленькая леди, ни слова не ответив, молча прошла вперед.

— Какая гордячка! Впрочем, внешность исключительная... Стоит подождать... этак лет пять... — послышался позади чей-то шепот.

— Дочка — в мать... — развязно откликнулся другой голос.

— Чья она?

— Э нет, благодарю покорно, от роли свата отказываюсь...

— Глупец! Я спрашиваю, чья она дочь?

— Однако ты, кажется, не на шутку заинтересовался... Это, друг мой, Китагава.

— Китагава?! Дочь графа Китагава?.. Этого известного волокиты? Ну, если со временем окажется, что дочка пошла в отца, тогда, брат, пропали все мужчины...

— Может быть, следовало бы поручить ее воспитание такому праведнику, как ты?.. Ой, нет, вряд ли из этого вышло бы что-нибудь хорошее... — Говоривший рассмеялся.

Между тем девицы, по-видимому, закончили обход, не оставив без внимания ни одного уголка. Императорские высочества проследовали в комнату отдыха. За ними, словно по команде, встала вся толпа и, как рухнувшая на берег волна уходит в сотни и тысячи ямок и расщелин в прибрежном песке и в камнях, разошлась по курительным, балконам, комнатам для дам, коридорам, разом наполнив все эти помещения говором и гулом.

Луна поднялась высоко, наступил час, когда засыпают цветы. Нетерпеливо ржут лошади, сонно зевают заждавшиеся господ кучера и рикши, а в собрании, где никому и в голову не пришло бы тревожиться о таких пустяках, веселье в самом разгаре. Чем заняты высокие гости, удалившиеся в особые покои, не видно, так как двери, ведущие туда, закрыты. Другие гости расположились на балконе. Граф Осада держит в руке чашку с кофе и, завывая волком, декламирует стихи собственного сочинения. Его слушатели ухмыляются. Некий простодушный губернатор думает о том, как хорошо было бы продемонстрировать свою близость к его сиятельству, этому прохвосту, члену префектуральной управы: «А то он, негодяй, ни во что меня не ставит». Несколько поодаль знаток лошадей толкует сановнику о породах и мастьях, а тот, зная о лошадях только то, что им положено иметь четыре ноги, усиленно поддакивает.

Рядом с ними, вцепившись в новоявленного японского Вандербильда, какой-то титулованный скупщик антикварных подделок умоляет во что бы то ни стало уступить ему «ту картину Сэсю, о которой мы недавно говорили». В коридоре пробравшийся в клуб газетный репортер пристает к юному сотруднику Министерства иностранных дел:

— Значит, это произойдет через месяц, да? Скажите же!

— Неудобно, если эти сведения станут известны широкой публике. Прошу вас не разглашать их...

И государственная тайна выбалтывается. В углу несколько молодых людей, с цветками вишни, с программами в руках и с карандашами в нагрудных карманах, недовольно ворчат: «Почему распорядителями назначили только мужчин? Где же справедливость?»

В галерее, где находится дамская комната, расположились дамы. На груди у многих значки членов комиссии по устройству вечера, но все хлопоты, связанные с их обязанностями, они возложили на представителей сильного пола. «Да, нужно уметь носить вечерние туалеты в обществе иностранцев...» — сокрушенно вздыхает одна. На днях жена посла такого-то удостоила ее комплимента по поводу ее манеры одеваться, и это обстоятельство позволяет ей считать себя авторитетом в области европейских мод. Другая, забыв о том, как несколько часов назад, садясь в экипаж, отхлестала по щекам горничную за недостаточно низкий поклон, говорит:

— Не выношу бывших даймё и аристократию... Это высокомерие, эта манера корчить из себя больших господ... Нет, теперь не прежние времена...

При этом она люто ненавидит гордо восседающую посередине комнаты княгиню с торчащими зубами и великолепной бриллиантовой брошью, горящей у воротника.

— А вы уже выбрали себе костюм для маскарада? — спрашивает у входа в дамскую комнату молодая особа в сиреновом платье, обращаясь к такой же молодой особе в розовом.

— Я хочу одеться Офелией... Распущенные волосы, цветы в волосах...

— Это будет чудесно... — В душе сиреневое платье убеждено, что этим рыжим патлам не помогут никакие цветы.

— Право, я так занята, так занята... Двадцатого маскарад, послезавтра английская драма... Я никак не запомню монолог Розалинды...

— А кто играет Орландо? Ах, Канаи-сан из университета, тот, с нависшими веками, похожий немножко на Син-Кома? Не забудьте же пригласить меня!

— Удивляюсь, почему сегодня в программе нет Син-Кома? Любоваться лысиной Отохая — не большое удовольствие!

— Я слышала, Фукусэ будет исполнять роль Ёсичунэ в пьесе «Пропуск через заставу» во время предстоящего визита государя на виллу Киносита... — вмешивается в разговор подошедшее золотистое платье.

— Правда?

— Мне говорил Сугимото-сан.

— В самом деле? Ну, значит, хлопот опять прибавится... И отчего это времени так в обрез, право! Вчера бал, сегодня концерт... Ведь только надевать и снимать эти европейские платья и то утомительно. В последнее время мне все снятся танцы. Просыпаюсь, а ноги все еще дергаются... Честное слово, это уже настоящая «танцевальная болезнь». Я измучилась... — Узкие, как серп молодого месяца, брови — предмет гордости розового платья — слегка хмурятся.

— Но ведь этим мы тоже способствуем пересмотру договоров... Одеваться по-европейски, танцевать — это наш долг...

— О, какая патриотка!

— Вовсе нет, ведь я же не Китадзима-сан! А эта госпожа Китадзима хотя и умеет так прекрасно писать и говорить умные речи, но на самом деле она, право же, невыносима... Вот и недавно...

Две головы склоняются поближе, к самым губам розового платья.

— Не может быть! Неужели это правда?

— Правда, конечно! Мне говорила служанка...

— И про графа Фудзисава — правда?

— It is quiet possible...

— А графиня Китагава? Правду говорят, будто она и граф Фудзисава?..

— Выдумки!

— Да, но я сама слышала, как минуту назад граф Фудзисава сказал Митико — этой, видели, такой молчаливой девочке... Все говорят, что из нее вырастет красавица, но я терпеть не могу таких надутых, серьезных детей...

— Так что же граф Фудзисава сказал Митико?

— Что?.. А-а, он сказал: «Мама не приедет сегодня? Кланяйся ей от меня».

— Что вы тут толкуете о графе Фудзисава?

Перед испуганно обернувшимися девицами внезапно появилось толстое лицо госпожи Китадзима. Розовое платье смутилось особенно сильно, залилось краской и забормотало что-то.

— Сейчас будет выступать Комароцци. Ступайте в зал, нечего тут шушукаться.

— Да-да, мы сейчас...

Китадзима удалилась, и розовое платье, слегка передернув плечами, предерзко высунуло ей вслед язык.

— Взгляните-ка!

Сиреневое платье кивком указало подругам на старика, угрюмо проходившего через комнату со скрещенными на груди руками, похожего на странную комету, случайно залетевшую в Солнечную систему.

— Настоящий король Лир, правда?

— Или Тимон...

Старик вышел в вестибюль к подъезду.

Как побывавший в Токио провинциал внезапно проникается отвращением к привычной деревенской пище и к привычным деревенским запахам своего дома и топчется переделать свое хозяйство на новый столичный

лад, так и человек, вернувшийся из поездки по Европе, видит все на родине убогим и жалким. Граф Фудзисава немедленно пришел к выводу, что в эти дни, когда уже заложены основы конституционного правления и вот-вот должна наконец открыться первая сессия первого японского парламента, делом неотложной важности является введение новых обычаев и преобразование нравов. По его инициативе на этот счет дождем сыпались указы и распоряжения; пример же должны были показывать высшие слои общества.

Выходец из захудалого рода, многие поколения которого унижались перед сильными мира сего, граф всегда нестерпимо завидовал немногим баловням судьбы — богатым аристократам, и в эти весенние апрельские дни почувствовал наконец, что настало его время, время удовлетворения страстной жажды наживы и власти, унаследованной с кровью дедов и прадедов.

Теперь он мечтал ослепить иностранцев этим концертом, культурой одного случайного вечера, и немедленно потребовать пересмотра договоров; показать единственную искусственно возвращенную в теплице ветку сливы и заявить: видите, весна наступила, выполняйте же обещания, верните то, что забрали в долг. И хотя трудно было допустить, что иностранцы, обольщенные приветливым обращением, но ни на минуту не забывающие своих точно рассчитанных выгод, растают от комплиментов и попадутся на приманку, — но кто не рискует, тот и не выигрывает! Во всяком случае, граф считал, что теперь, накануне открытия парламента, с вопросом о пересмотре договоров необходимо покончить и что этот путь — единственный. Недаром в свое время господ Икс и Игрек беседовали с графом за рюмкой вина и чрезвычайно настойчиво уговаривали его прислушаться к просьбам деловых кругов. Один-единственный

Токутоми Рока

Т 51 Куросиво : роман / Токутоми Рока ; пер. с яп. И. Львов. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. — 384 с. — (Изящная классика Востока).

ISBN 978-5-389-27876-9

«Куросиво» — самое знаменитое произведение японского классика Токутоми Рока, посвященное переломному периоду японской истории, когда после многовекового правления сёгуната власть вновь перешла к императорскому дому. Феодалная Япония открылась миру, и начались бурные преобразования во всех сферах жизни. Рушились прежние устои и традиции, сословие самураев становилось пережитком прошлого, их место занимала новая элита — дельцы, капиталисты, банкиры.

В романе множество персонажей, которые сменяют друг друга, позволяя взглянуть на события под разными углами и делая картину объемной и полифоничной. Но центральными героями становятся люди ушедшей эпохи. Сабуро Хигаси, пожилой, искалеченный самурай, верный сторонник свергнутого сёгуната, не готов примириться с новыми порядками, но и повернуть время вспять ему не под силу. Даже война стала другой. Гордый старый воин неумолимо проигрывает свою последнюю битву... Садако, безупречная дама эпохи Токугава, чьи манеры и принципы выглядят смешно и неуместно при новых порядках... Эти люди отчаянно пытаются найти свое место в новом мире.

Социально-философское содержание «Куросиво» несет отчетливые следы влияния Льва Толстого, поклонником и последователем которого был Токутоми Рока. В то же время это глубоко национальное произведение, написанное с огромным состраданием к соотечественникам, кому выпало жить на переломе эпох.

УДК 821.521
ББК 84(5Япо)-44

ТОКУТОМИ РОКА

КУРОСИВО

Ответственный редактор Екатерина Дубьянская

Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.

Технический редактор Валентина Дик

Компьютерная верстка Алины Леонтьевой

Корректоры Людмила Дубовая, Ольга Попова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 14.02.2025.

Формат издания 76 × 100 1/32. Печать офсетная. Тираж 5000 экз.

Усл. печ. л. 16,92. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака АЗБУКА*, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — АЗБУКА* тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12-14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12-14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-CEL-36898-01-R